

Платонизм в русской философии

Артём Гравин, Юлия Анохина

Дистинкция εἶδος и ἰδέα в тезаурусе философии «раннего» А.Ф. Лосева*

ARTYOM GRAVIN, YULIA ANOKHINA

DISTINCTION OF εἶδος AND ἰδέα IN THE THESAURUS OF A.F. LOSEV'S "EARLY" WORKS

ABSTRACT. The article considers the distinction between the concepts of eidos and idea, which is significant for the thesaurus of "early" Losev's works, and evaluates its role in his linguophilosophy (*Philosophy of the Name* (1923, 1927)) and in his philosophical reception of ancient Platonism (*Essays on Ancient Symbolism and Mythology* (1930)). Losev's fundamental intuition in the *Essays* is to conceptualize the idea as an integral concept and the eidos as a differential one. At the same time, the *Philosophy of the Name* contains a different (phenomenological) interpretation of the term "idea", which raises the question of the evolution or dynamism of its semantics. By comparing the usage of Losev's concept of idea in the works mentioned, the authors confirm the hypothesis that the idea indeed has two distinct modes, ontological and phenomenological, and reveal the connection of each to eidos.

KEYWORDS: philosophical hermeneutics, philosophical thesaurus, Russian Platonism, phenomenology, dialectics, Losev.

© А.А. Гравин (Санкт-Петербург). artemiosgravin@mail.ru. Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Социологический институт Российской академии наук – филиал ФНИСЦ РАН.

© Ю.Ю. Анохина (Санкт-Петербург). julia.ane@yandex.ru. Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН. Санкт-Петербургский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 22.1 (2025) DOI: 10.25985/PI.22.1.11

* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00980, <https://rscf.ru/project/24-18-00980/>.

Введение

Исследование философии Алексея Федоровича Лосева предполагает анализ присущего ей «языка». Во многом это связано с тем, что «привычные» для современных историков философии понятия используются Лосевым в непривычном значении. Игнорирование этого факта таит в себе опасность неадекватного прочтения работ Лосева в свете чуждых им концепций и идей.

Обозначенная проблема не раз обсуждалась в лосевоведческих работах последних десятилетий. Рассматривались отдельные концепты (например, в исследовании понятия мифа¹), а также предпринимались попытки комплексных исследований «словаря» философского языка «раннего»² Лосева. Так, в 2014 году Л.А. Гоготишвили опубликовала две статьи (Гоготишвили 2014а и 2014б), посвященные тезаурусным исследованиям философии Лосева. В этих работах она предложила проект широкого исследования концептуальных компонентов лосевского дискурса. Анализ отдельных понятий и их «цепочек»³, по замыслу исследовательницы, должен привести к формированию связного круга понятий — особого «смыслового пространства», позволяющего адекватно реконструировать лосевскую систему. Более того, такой результат позволит, по Гоготишвили, экстраполировать используемый Лосевым метод на области, которые не были в фокусе его внимания и применить его идеи для решения ряда не исследованных им проблем⁴.

Гоготишвили считала целесообразным начинать построение тезауруса лосевского творчества с «ранних» статей и книг⁵, так

¹ Для примера приведем работы, в которых исследуется важнейшее для лосевской концепции мифа свойство «отрешенности»: Bird 2004; Троицкий 2021.

² Имеются в виду книги и статьи, написанные в период так называемого «первого восьмикнижия», то есть в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

³ Здесь и далее под «цепочкой» понятий подразумевается такая их совокупность, в которой каждое из понятий может быть объяснено с помощью хотя бы одного другого понятия этой же совокупности.

⁴ В своем проекте исследовательница опирается на подход самого Лосева, ср. Гоготишвили 2014б: 130–132.

⁵ Гоготишвили 2014а: 82.

как представленные в них концепции являются своего рода источником для многих идей в его «поздних» (то есть послевоенных) исследованиях и потому составляют с ними единое целое.

К сожалению, в связи со смертью исследовательницы (в 2018 году), этот замысел был осуществлен лишь отчасти (она написала несколько статей по этой теме). Тем не менее, работа в этом направлении может быть продолжена как в перспективе эмпирических и статистических исследований работ Лосева на предмет выявления состава присущего им понятийного аппарата, так и в связи с концептуальным анализом отдельных компонентов тезауруса его философии. Отметим, что одной из наиболее значительных вех в эмпирических исследованиях такого рода стала публикация в 2016 году В.И. Постоваловой «Концептуального словаря „Философии имени“ А.Ф. Лосева» в качестве приложения к новому изданию этой работы Лосева⁶. В этом словаре представлены соотнесенные с наиболее важными для Лосева понятиями цитаты из «Философии имени». Сочетание эмпирических и статистических исследований такого рода с концептуальными обобщениями по типу тех, что осуществляла Гоготишвили, на наш взгляд, позволит осуществить полноценную реконструкцию философского дискурса Лосева и обеспечит относительно адекватное его понимание.

В настоящей статье мы продолжим начатую Л.А. Гоготишвили в статьях 2010-х гг.⁷ работу по изучению отдельных компонентов лосевского тезауруса и реконструкции присущей его философии концептуальной схематики. Мы сфокусируем внимание на значимом для «раннего» Лосева соотношении понятий эйдоса и идеи в рамках его работ «Философия имени» (1923, 1927) (далее — ФИ) и «Очерки античного символизма и мифологии» (1930) (далее — ОАСМ), а также обозначим возможные связи с понятиями других работ того же периода.

⁶ Постовалова 2016b.

⁷ Мы будем обращаться к работам «Лосевская интерпретация платоновской двойцы эйдос / идея (диалектический, феноменологический, математический и языковой аспекты)» (2021: опубликовано посмертно) и «Идея и эйдос в ОАСМ Лосева как символы методологического синтеза, способного заложить основы „дискурса адекватности“» (2017).

Проблема различения эйдоса и идеи в работах Лосева

Для современной истории античной философии проблема концептуального различения понятий εἶδος и ἰδέα в диалогах Платона не существенна. Не была она таковой и для большей части исследований XX века⁸. Так, во втором томе «Истории античной эстетики» (1969) Лосев утверждал: «Различие между „эйдосом“ и „идеей“ едва заметно и спорно»⁹. В этой работе он привел статистические данные, суммирующие случаи употребления обоих понятий (отталкиваясь от исследований К. Риттера), но не осуществил каких-либо концептуальных обобщений¹⁰.

Тем не менее, для философских и антиковедческих работ Лосева 1920–1930-х гг. содержательная дистинкция эйдоса и идеи оказывалась значимой¹¹. Мы предполагаем, что эта дистинкция была необходима философу, поскольку позволяла обосновать недуалистическое прочтение онтологии Платона¹² и ввести свое понимание платонизма в актуальный (для 1920-х гг.) феноменологический контекст¹³. При этом для лосевского творчества граница между историко-философскими исследованиями и построением философской системы достаточно зыбкая; поэтому анализ его историко-философских оценок возможен только с учетом (или в контексте) его философских концепций.

⁸ Из исследований этой проблематики см., например, Вгонтгер 1940.

⁹ Лосев 2000а: 761.

¹⁰ Вопрос о том, изменилась ли лосевская оценка концептуальной значимости этой дистинкции, остается открытым; для его разрешения потребуются более подробное изучение корпуса «Истории античной эстетики».

¹¹ После 1930-х гг. Лосев не разрабатывал эту тематику в философском ключе по причине вынужденного прекращения занятий философией.

¹² Лосев полемизирует с дуалистическим прочтением философии Платона и неоплатоников. См., например, его критику интерпретации П. Наторпа — Лосев 1993: 689.

¹³ Обе задачи связаны с имплицитным для лосевского дискурса богословским замыслом построения системы христианского (нео)платонизма, включающего значительное феноменологическое измерение как персоналистичной системы. Готтшивили в одной из работ назвала этот замысел Лосева «коммуникативной версией исихазма».

Впервые к вопросу о различении эйдоса и идеи Лосев обратился в 1921 году при подготовке доклада «„Эйдос“ и „идея“ у Платона» для выступления на последнем заседании Московского психологического общества¹⁴. На протяжении 1920-х гг. Лосев не раз использовал эту понятийную пару в своих философских построениях, однако только в ОАСМ (1930) проблематика, обозначенная в докладе 1921 года, обрела форму развернутого изложения.

В третьей части ОАСМ («Терминология учения Платона об идеях (ἔϊδος и ἰδέα)»¹⁵) Лосев детально исследовал обширный корпус случаев употребления терминов эйдоса и идеи в диалогах Платона и пришел к выводу:

мы, в последнем счете, приходим всё же к довольно безотрадным результатам. *Проанализированное словоупотребление обладает неимоверной пестротой*¹⁶, удручающей всякого исследователя, который бы захотел сделать для себя каждый текст ясным. Термины «эйдос» и «идея» у Платона употребляются, в общем, чрезвычайно редко. (...) нужно прямо сказать, «учение об идеях» у Платона трактуется и может быть изложено *совершенно без помощи терминов «эйдос» и «идея»*. Но самое главное, это — невероятная пестрота значений. Попадают случаи, где на протяжении нескольких строк значение «эйдоса» меняется несколько раз¹⁷.

Несмотря на это, Лосев сформулировал содержательное различие этих терминов и подчеркнул историко-философскую ценность осуществляемой им реконструкции:

Занимаясь историей неоплатонизма уже после написания этого очерка, я убедился, что мое полу-интуитивное учение о различии у Платона между «эйдосом» и «идеями» вполне подтверждается дальнейшей историей платонизма. Большой текстуальный материал на эту тему из Прокла нет возможности помещать здесь. Это — в одном из следующих томов¹⁸.

¹⁴ Тахо-Годи 2007: 72.

¹⁵ Лосев 1993: 136–286.

¹⁶ Здесь и далее в цитатах курсив А.Ф. Лосева.

¹⁷ Лосев 1993: 286.

¹⁸ Лосев 1993: 145. Лосев предполагал, что ОАСМ станет многотомной работой. Однако второй том не был завершен и опубликован.

Задача настоящего исследования состоит не в историко-философской верификации этих выводов, а в установлении функциональной роли этого различения в мысли «раннего» Лосева и его интерпретации платонизма.

Реконструкция замысла: два модуса идеи

Предпринятое Лосевым сопоставление эйдоса и идеи показало, что эти понятия в его дискурсе могут быть как тождественными, так и отличаться содержательными нюансами. Обратимся к тем дефинициям этих понятий, где утверждается их общность. Оба понятия указывают на над-вещное и над-фактичное¹⁹ бытие, которое тем не менее причастно фактам.

Они «не есть факт и явление наряду с другими фактами и явлениями», но и «не есть отвлеченный смысл факта и явления». При этом эйдос и идея «есть нечто как бы нагнетенное, насыщенное, напоенное смыслом»; они «относятся, раньше всякого иного употребления, к сфере *видения, созерцания, узрения.. Это — вид вещи*»; «„эйдос“ и „идея“ есть лицо предмета, лик живого существа»²⁰.

В приведенных определениях, помимо очевидной онтологии, содержатся феноменологические и персоналистические (или мифологические, в лосевском смысле) коннотации²¹. И эйдос, и идея, по Лосеву, одинаково причастны феноменологическому созерцанию: «понятия эйдоса и идеи, по существу тождественные, разнятся в своем феноменологическом функционировании»²². Таким образом, онтологическое тождество эйдоса и идеи подразумевает и их феноменологическое различие.

Содержательно эйдос, в отличие от идеи, характеризуется, по Лосеву, дифференциальностью — конкретным, единичным смыслом. Напротив, идее свойственна интегральность — цельное объ-

¹⁹ Лосев 1993: 234.

²⁰ Все цитаты см. Лосев 1993: 230–235.

²¹ Лосев отмечал нетривиальность феноменологического прочтения платонизма, но утверждал его принципиальную необходимость (Лосев 1993: 690).

²² Лосев 1993: 223.

единение сложной совокупности различных смыслов. Соответственно, онтологически здесь утверждается различие по типу общее-частное²³, феноменологически же — два разных типа созерцания.

Приведенное описание проблематизируется при рассмотрении понятий эйдоса и идеи в перспективе других работ Лосева 1920-х гг. и, в частности, в феноменологически-ориентированной ФИ. В этом случае обнаруживаются несоответствия в значении этих понятий, что препятствует адекватному пониманию работ этого периода. Так, Гоготишвили отмечает, что различное употребление Лосевым понятийной пары эйдоса и идеи в ФИ и ОАСМ заключает в себе существенную проблему при построении лосевского тезауруса:

Одна из самых показательных — и значимых для выявления принципов построения Лосевского тезауруса — лакун <...> имеет место в ФИ. С одной стороны, здесь присутствуют оба понятия, идея и эйдос, причем в подробно разработанном виде; с другой стороны, проблематизированной понятийной двойцы идея/эйдос в ФИ нет. Ее нет не только в качестве стержневой конструкции (в каковой роли она выступает у Платона и вслед за ним у самого Лосева в ОАСМ), ее по сути нет в ФИ вообще²⁴.

В другой своей работе исследовательница высказывала предположение об изменении в философии «раннего» Лосева онтологического «положения» идеи относительно эйдоса, если сравнивать его работы начала 1920-х гг. (ФИ) и конца 1920-х – начала 1930-х гг. (ОАСМ). В первом случае идея, по Гоготишвили, оказывается частным видом эйдоса. При таком условии положение об интегральности идеи является спорным. Во втором — его общим родом (рассмотренный выше случай). Однако Гоготишвили не поясняет в этой работе причин терминологического «сдвига» и исследовала онтологическую схему второго случая (на материалах ОАСМ). В частности, она предлагала формулу, согласно ко-

²³ Примеры с «дифференциальной» интерпретацией эйдоса см. Лосев 1993: 149, 151, 159, etc.; примеры с «интегральной» интерпретацией идеи см. Лосев 1993: 145, 147, 148, etc.

²⁴ Гоготишвили 2014b: 132–133.

торой у одной идеи может быть много эйдосов, вместе с тем у одного эйдоса не может быть множества идей²⁵.

Отметим, что в том же ключе Лосевскую двоицу эйдоса и идеи интерпретируют С.С. Неретина и А.П. Огурцов в разделе «Идея и эйдос у Платона» своей книги «Пути к универсалиям»: исследователи ставят идею иерархически «выше» эйдоса и наиболее общую идею связывают с идеей Блага²⁶.

Напротив, И.М. Вандулакис трактует двоицу эйдоса и идеи иначе (ссылаясь на Лосева) и использует ее значение в поле математической логики и теории типов. Он соотносит эйдос и идею с парами класс и свойство, экстенционал и интенционал, объем и содержание соответственно: «Эйдосы трактуются как сингулярные абстрактные термины, т.е. как термы высшего порядка, а идеи — как сингулярные термины, указывающие на интенциональ (свойство)»²⁷.

С чем может быть связана столь существенная разница в интерпретациях и чем объясняется предполагаемый Гоготишвили «сдвиг»? На наш взгляд, это обусловлено имплицитной для замысла Лосева двухмодусностью бытия идеи, которая может быть рассмотрена с двух точек зрения. Мы определяем эти модусы как «зигдущую» (эйдосы) идею и «созижденную» (эйдосами) идею* (для того, чтобы избежать путаницы, далее этот модус или тип идеи мы будем выделять знаком *). При этом первая представляет собой онтологическое обобщение эйдосов, а вторая — их совокупное созерцание.

Таким образом, мы получаем трехсоставную схему: идея «зигдущая» – эйдос – идея* «созижденная»²⁸. Отметим, что в обоих модусах идея сохраняет свойство интегральности: в первом случае она составляет онтологическое единство совокупности эйдо-

²⁵ Гоготишвили 2021а: 263, 273.

²⁶ Неретина, Огурцов 2006: 113, 119.

²⁷ Вандулакис 1994: 199.

²⁸ Определения «зигдущая» и «созижденная» взяты у Вяч. И. Иванова — аналогичная трехсоставная схема (как – что – как) приводится им в эссе 1947 года «Forma formans e forma formata» (Иванов 1979: 675).

сов, во втором случае — феноменологический процесс ее (совокупности) узрения.

Если допустить правомерность этой гипотезы и ориентироваться на предложенную нами схему, то можно заключить, что в ОАСМ Лосев исследовал первый (онтологический) модус идеи и ее связь с эйдосом. Второй (феноменологический) модус идеи Лосев описал в более ранней ФИ, где рассматриваемые платонические термины, помимо онтологического представления, были введены им и в контекст феноменологии языка. В этой же работе содержится подтверждение нашего предположения о двухмодусном характере идеи.

Приведенное выше утверждение Гоготишвили во многом определило хронологический характер изложения материала в настоящей работе (мы начали анализ с более поздних ОАСМ (1930), а теперь обращаемся к ФИ (1923, 1927)). Мы исходим из идеи Гоготишвили о том, что соотношения понятий эйдоса и идеи в упомянутых работах Лосева различались. В то же время мы считаем, что понятийная антиномичность, представленная в ОАСМ, в ФИ актуализируется несколько иначе и эта пара понятий всё же составляет «стержневую конструкцию».

Идея как созерцание*

Адекватное представление о характере соотношения понятий «эйдос» и «идея» в ФИ требует понимания контекста этого труда. Именно поэтому прежде всего необходимо осуществить небольшой экскурс в эту работу.

Общая схема ФИ представляет собой иерархическую²⁹ систему из 67 ступеней бытия («лестница словесности»). Эта система разделяется Лосевым на две частные структуры: предметную (связанную с предметом, который осмысливается с помощью языка) и до-предметную (связанную с осмыслением предмета)³⁰.

²⁹ Здесь подразумевается мистическая иерархия восхождения к Богу и соединения с Ним (Постовалова 2016: 27).

³⁰ Лосев 2016: 164, 170–172.

Предметная структура предполагает сущность и ее явление. До-предметная структура заключает в себе «иную» сущность, порожденную в результате явления первой сущности в ином относительно нее³¹. «Иная» сущность, с одной стороны, представляет собой порожденный образ умопостигаемой сущности, с другой стороны — процесс ее созерцания и «словесного» утверждения. Таким образом «иная» сущность в своем бытии не автономна, но зависима от умопостигаемой.

У Лосева описание до-предметной структуры (и, соответственно, «иной» сущности) проводилось в феноменологической перспективе³². В качестве исходного опыта он анализировал «нормальное человеческое» слово как ближайшую для читателя данность.

В первой части ФИ Лосев последовательно редуцировал слои слова: от наиболее внешней и «естественной» фонемы к элементам семемы и т.д. В результате такой редукции он обнаружил ядра «иной» сущности, а именно идею*. Для слова, внешние слои которого условны и конвенциональны, идея* представляет собой внутреннее безусловное основание, «адекватное отражение ⟨...⟩ предметной сущности» и, как следствие, «полное и адекватное присутствие предмета в сознании, полное и адекватное понимание предмета»³³.

Отметим, что, рассуждая о понятии «идея», Лосев использовал феноменологическую терминологию (интенциональный акт, ноэма, ноэзис, etc.), что позволяет понимать ее не только онтологически, но и феноменологически (близко к понятию идеации). В таком случае здесь подразумевается не идея в смысле интегральной совокупности эйдосов (то, что выше мы обозначили определением «зигдущая»), но идея* как созерцание эйдосов («созиденная»).

³¹ Лосев 2016: 165.

³² «Философия имени» представляет собой тот редкий случай для работ 1920–1930-х гг., когда Лосев выстраивает свою систему «снизу» от эмпирической данности.

³³ Лосев 2016: 75–76.

Идея* включает в себе полноту «иной» сущности, она схватывает смысл предмета (умопостигаемой сущности), и облакает его в «словесную» (в широком смысле³⁴) форму. В феноменологическом смысле идея представляет собой что-то вроде чистого сознания, в лингвистическом — референциальную связь между языком и внеязыковой действительностью.

В отличие от до-предметной структуры, предметная описывается Лосевым онтологически — как сущность, которая включает в себе следующие смысловые компоненты:

— возможность к явлению смысла в себе и в ином себе — энергию;

— способность к самоопределению и познанию «иной» сущностью смысла этой сущности — логос;

— собственное смысловое ядро — эйдос.

Эйдос представляет собой то, что созерцается идеей «иной» сущности и феноменологически конструируется ею: «Феноменология есть эйдетическое видение предмета в его эйдосе»³⁵. «Конструирование в этом смысле есть адекватное узрение эйдетических ликов сущности. Таким адекватным узрением должна быть феноменология»³⁶.

Эйдос в ФИ есть «нечто простое <...> цельное <...> неизменное, не подчиняющееся времени, вечное <...> чистый смысл <...> индивидуальная общность»³⁷. Идея* же («иной» сущности, «созиданная») «есть адекватное отражение эйдоса»³⁸.

В ФИ есть указание и на своеобразную иерархию эйдосов (видимо, древовидного типа). Критерием, на котором основана эта иерархия, оказывается степень общности эйдосов. Лосев принци-

³⁴ В качестве необходимого уточнения следует отметить, что термины «слово», «имя», «язык», «общение», etc. Лосев понимает шире привычного лингвистического понимания. Так, «словом», по Лосеву, оказывается всякое явление, в котором что-то и как-то «сообщается».

³⁵ Лосев 2016: 199.

³⁶ Лосев 2016: 225–226.

³⁷ Лосев 2016: 131–132.

³⁸ Лосев 2016: 188.

пильно различает «общий эйдос» и «более частные эйдосы», «эйдос в широком смысле» и «эйдос в узком смысле»³⁹. Для пояснения этой дистинкции Лосев приводит ряд примеров. Так, соотношение общего и частного эйдоса Лосев рассматривает на примере «карандашности»:

В каждой вещи ⟨...⟩ мы различаем то, что обще всем вещам данного рода, карандашность, и смысловой образ данной вещи — эйдос этого карандаша. Эйдос этого карандаша может в той или иной мере воспроизводить общий эйдос карандаша⁴⁰.

Общий эйдос (в широком смысле) потенциально включает в себе различные виды частных эйдосов (в узком смысле). Поэтому границей между общим и частными эйдосами (в ФИ) предстает тот же критерий интегральности / дифференциальности, который впоследствии Лосев использовал для различения эйдоса и идеи в ОАСМ⁴¹. В этом смысле понятие общего эйдоса представляет собой прототип для понятия идеи (интегральной) из ОАСМ.

Таким образом в ФИ мы обнаруживаем схему, которая отчасти была использована и модифицирована Лосевым в ОАСМ. В первом случае мы имеем дело с трехсоставной формулой: идея* как созерцание – частный эйдос – общий эйдос. Во втором случае специально рассматривается правая часть формулы, где на место общего эйдоса становится идея как интегральная совокупность эйдосов: дифференциальный эйдос – интегральная идея.

Идея как «двухаттенциональный интенциональный акт»*

В реконструируемой нами схеме остается неясным феноменологический смысл идеи* относительно эйдоса и идеи. Выше мы приводили цитату из ОАСМ о том, что эйдос и идея «разнятся в своем феноменологическом функционировании». Лосев не представил развернутого пояснения этой интуиции, однако она получила развитие в работах Гоготишвили конца 2010-х гг.

³⁹ Лосев 2016: 133, 146, 221, 206.

⁴⁰ Лосев 2016: 187.

⁴¹ Гоготишвили 2014b: 128.

В качестве пояснения лосевской дистинкции исследовательница выдвигает тезис «о двухаттенциональности каждого интенционального акта сознания»⁴², то есть о двух фокусах внимания (схватывания) одной интенции: к эйдосу и к идее. Гоготишвили раскрыла феноменологическое измерение лосевской рецепции платонизма и предложила возможный вариант его концептуального развития. Она считала, что приведенный тезис включает в себе один из векторов феноменологического потенциала мысли «раннего» Лосева:

Мне представляется очевидным, что в ОАСМ Лосев мыслил именно в этом направлении, но в дальнейшем обстоятельства сложились столь неблагоприятным образом, что диалектико-феноменологическая инновация Лосева так и не получила должного развития⁴³.

В кратком виде схема рассуждений Гоготишвили о феноменологической созерцательности эйдоса и идеи выглядит следующим образом. Интенциональный акт предполагает две аттенции, связанные с эйдосом и идеей соответственно⁴⁴. Обе аттенции «участвуют» в этом акте совокупно. Аттенция, связанная с эйдосом (или эйдосами), обеспечивает акт конкретным смысловым содержанием. Аттенция, связанная с идеей, отвечает за целостность множества созерцаемых в акте смыслов. Таким образом, внимание в интенциональном акте «перемещается», во-первых, между различными эйдосами и, во-вторых, между текущим эйдосом и идеей.

Для выяснения феноменологического смысла идеи* («иной» сущности) рассмотрим приведенные рассуждения Гоготишвили в контексте полученной нами трехсоставной схемы «идея – эйдос – идея*». В этом случае идея* включает в себе интенци-

⁴² Гоготишвили 2021a: 279; см. также Гоготишвили 2021b: 320.

⁴³ На наш взгляд, развитие здесь может заключаться в выявлении большего количества аттенций в соответствии с приведенными в ФИ частными аспектами эйдоса в широком смысле; помимо понятия эйдоса в узком смысле Лосев приводит еще ряд: схему, топос, символ, etc. См. Лосев 2016: 172.

⁴⁴ Гоготишвили 2021a: 276.

ональный акт и две аттенции (два фокуса внимания). «Движение» аттенций обусловлено характером идеи (совокупности эйдосов) и осуществляется интенционально идеей*. Будучи феноменологическим отображением идеи умопостигаемой сущности и, вместе с тем, процессом ее созерцания, интенциональная идея* «иной» сущности (как и идея умопостигаемой) обладает свойством интегральности и цельности и, помимо идейной статики, включает в себя эйдетическую динамику.

Описанная феноменологическая динамика связана, по Гоготшвили, с динамичностью лосевского представления об умопостигаемой сущности (сочетающей движение и покой — «подвижной покой»). Ей присуще два типа динамичности — внутреннее «становление» от идеи к эйдосу и внешнее явление в виде «иной» сущности. В этом смысле умопостигаемая сущность активна и «самодвижна», а «иная» сущность в своей активности зависима от умопостигаемой (которая дает возможность себя созерцать). Исследовательница предполагала, что утверждение о «самодвижности» умопостигаемой сущности было необходимо Лосеву для введения осуществляемого им синтеза платонизма и феноменологии в религиозный контекст⁴⁵. Вспомним уже приводимое выше персоналистское определение: «„эйдос“ и „идея“ есть лицо предмета, лик живого существа». В таком случае созерцание умопостигаемой сущности представляет собой не пассивный процесс познания, но активный «диалог» с ней⁴⁶ — с «ликом живого существа»⁴⁷. При этом «диалог» здесь происходит не «на равных», но всецело зависит от «воли» умопостигаемой сущности.

Полученные результаты сведены в схему (см. рис. 1), прокомментируем ее:

⁴⁵ Гоготшвили 2021b: 313.

⁴⁶ В связи с этим см. о «говорящем предмете» и «эйдетическом языке» Гоготшвили 2021a: 280.

⁴⁷ Религиозные аллюзии здесь не случайны: в «Диалектике мифа» эта диалогическая модель трансформируется в формулу мифа: «живое субъект-объектное взаимоотношение» (Лосев 2021: 79).

1) умопостигаемая сущность предстает в виде эйдосов (совокупности конкретных смыслов) и идеи (цельности этой совокупности);

2) умопостигаемая сущность предполагает «иную» сущность как возможность собственного созерцания;

3) «иная» сущность в своем основании заключает идею* как процесс созерцания умопостигаемой сущности⁴⁸ и залог оформления совокупности созерцаемых смыслов (идеи и эйдосов) в чувственный образ;

4) идея* связывается с эйдосом и идеей посредством «узрения» — интенционального акта, состоящего из двух (как минимум) параллельно осуществляемых аттенций: к эйдосу и к идее.

Характер интенционального акта идеи* определяется характером объединения созерцаемых эйдосов в идее («диалог» созерцающего и созерцаемого). Таким образом, разрабатываемый Лосевым синтез платонизма и феноменологии приобретает персоналистическое основание.

Полученная в результате концептуальной реконструкции схема содержит два измерения, которые могут быть выявлены с двух различных аналитических точек зрения. Мы предлагаем обозначить их как интеллигибельную и интеллектуальную. Первая исключительно онтологична и связана с анализом соотношения идеи и эйдоса — то, что Лосев осуществил в ОАСМ. Вторая скорее феноменологична и заключает в себе взаимосвязь эйдоса (эйдосов) и идеи*. Такой «интеллектуальный» анализ Лосев провел в ФИ. Мы стремились продемонстрировать, что эти точки зрения дополняют и в каком-то смысле *volens nolens* предполагают друг друга.

Кроме того, взаимосвязь интеллигибельного и интеллектуального измерений предполагает монистическую онтологию, в перспективе которой Лосев исследовал платонизм⁴⁹. Так, два модуса идеи (идея и идея*) выполняют соединительную функцию — ос-

⁴⁸ В этом смысле идея* есть «порождение» эйдоса и идеи.

⁴⁹ Гоготишвили фиксировала антитетичный характер лосевского дискурса

нование умопостигаемого мира (идея) через созерцание (идея*) его отдельных элементов (эйдос) связывается с чувственным миром, который предстает оформлением осуществленного созерцания.

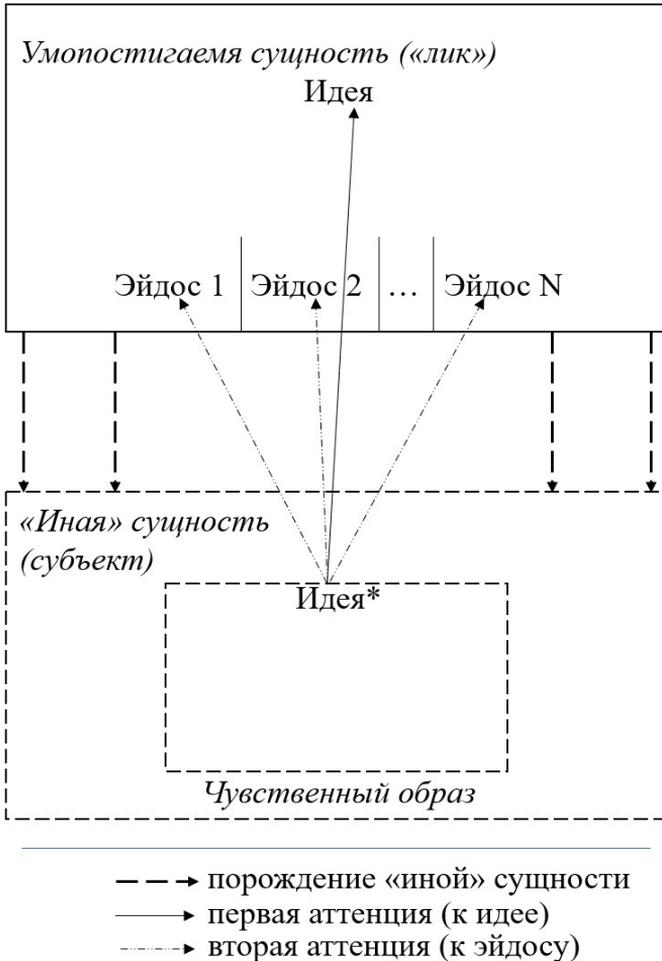

Рис. 1. Схема реконструкции онтологических и феноменологических связей эйдоса и идеи в «ранних» работах А.Ф. Лосева.

и, в частности, его рецепции платонизма, обозначая ее термином «усеченный монизм» (Гоготишвили 2021а: 261–262).

Мы намеренно выбрали термины «интелигибельный» и «интеллектуальный» для пояснения приведенной нами схемы. Для Лосева они были значимы в исследованиях близкой ему неоплатонической ноологии и, в частности, ноологии Прокла⁵⁰, который «завершает и окончательно уточняет традицию неоплатонизма в трактовании Нуса»⁵¹. Так, триаду умопостигаемого (νοητά), умопостигаемо-умного (νοητὰ καὶ νοερά) и умного (νοερά) он обозначает как триаду интелигибельное, интелигибельно-интеллектуальное и интеллектуальное. Эти термины он поясняет следующим образом⁵²:

— интелигибельное отличается от интелигибельно-интеллектуального своей общностью⁵³ (то есть интегральностью, как идея отличается от эйдоса в нашей схеме);

— интеллектуальное отличается от интелигибельно-интеллектуального также общностью, но не в смысле цельности (как в случае интелигибельного), а в смысле совокупности⁵⁴ разнообразия смыслов (аналогично отношению идеи* и эйдоса);

— интеллектуальное есть мыслящее и подразумевает субъект мышления⁵⁵ (аналогично гносеологическому характеру идеи*).

Приведенная (отчасти искусственная) аналогия неоплатонической триады и нашей трехсоставной схемы призвана не упростить мысль Лосева до прямолинейных кочующих из работы в работу схем, но указать на присутствие в его работах ряда общих концептуальных интуиций, одну из которых мы и зафиксировали в реконструированной нами схеме.

⁵⁰ Эта близость отмечена В.П. Троицким, который посвятил Лосеву книгу, озаглавленную «Русский Прокл».

⁵¹ Лосев 2023: 870.

⁵² Далее мы ссылаемся на характерные отрывки из работы «Античный космос и современная наука» (1927) и «поздних» VII и VIII томов «Истории античной эстетики» (1988 и 1992).

⁵³ Лосев 2000b: 20.

⁵⁴ *Ibid.*

⁵⁵ Лосев 2000c: 718.

Заключение

В результате анализа было определено соотношение понятий эйдоса и идеи в двух работах А.Ф. Лосева 1920-х – 1930-х гг., «Философия имени» (1923, 1927) и «Очерки античного символизма и мифологии» (1930). Это соотношение мы представили в виде трех-составной схемы: эйдос и идея в двух модусах: онтологическом (интеллигибельном) и феноменологическом (интеллектуальном). Феноменологический модус идеи представляет собой процесс созерцания онтологического модуса идеи и причастных ему эйдосов — один интенциональный акт с двумя аттенциями (фокусами внимания).

В этой формализации мы следуем предложенному Гоготишвили тезаурусному принципу⁵⁶ — выявлению краткой формулы исследованных понятий. Это позволит обнаруживать полученную схему в иных работах Лосева и затем проследживать систему понятий в диахронической перспективе⁵⁷. Расширение этой схемы может осуществляться через выявление и анализ отношений понятий эйдоса и идеи к другим базовым понятиям из работ Лосева. Так, Гоготишвили отмечала необходимость исследования взаимосвязи идеи и мифа⁵⁸ в «Философии имени» и «Диалектике мифа». На наш взгляд, это расширение закономерно⁵⁹, так как, подобно идее, миф может быть рассмотрен в онтологическом и гносеологическом модусах⁶⁰ (а также в богословской перспективе, как «живое субъект-объектное взаимообщение»). Представляется целесообразным провести аналогичные исследования понятий чтойности (в связи с идеей в работе «Античный космос и современная наука»), самое самó (в связи с «апофатическим моментом» эйдоса в «Философии имени»⁶¹) и др. Такого рода исследо-

⁵⁶ Гоготишвили 2014b: 129.

⁵⁷ Гоготишвили 2014a: 84.

⁵⁸ Гоготишвили 2014a: 88–89.

⁵⁹ Соотношение эйдоса и мифа в ФИ см. Лосев 2016: 205, 214 и др. О связи эйдоса и идеи с мифом в ОАСМ см. Лосев 1993: 235.

⁶⁰ Подробнее о синтетической функции мифа см. Гравин 2024.

⁶¹ Лосев 2016: 132.

вания позволят расширить тезаурус лосевского дискурса 1920-х – 1930-х гг. и сформировать своего рода «ключ» к пониманию его работ этого и более поздних периодов.

Литература

- ОАСМ = Лосев, А.Ф. (1993), *Очерки античного символизма и мифологии*. М.: Мысль.
- ФИ = Лосев, А.Ф. (2016), *Философия имени*. СПб.: «Издательство Олега Абышко».
- Гоготишвили, Л.А. (2014а), “К методике работы над языковым сегментом лосевского тезауруса («Философия имени» и «Диалектика мифа»)", in А.А. Тахо-Годи и Е.А. Тахо-Годи (ред.), *А.Ф. Лосев: творчество, традиции, интерпретации*, 82–94. М.: Водолей.
- Гоготишвили, Л.А. (2014b), “А.Ф. Лосев как субъект и объект тезаурусного исследования (к постановке вопроса)", *Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»* 19: 126–134.
- Гоготишвили, Л.А. (2021а), “Лосевская интерпретация платоновской двоицы эйдос / идея (диалектический, феноменологический, математический и языковой аспекты)", in Id., *Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства*, 261–298. М.: Издательский дом ЯСК.
- Гоготишвили, Л.А. (2021b), “Идея и эйдос в ОАСМ Лосева как символы методологического синтеза, способного заложить основы «дискурса адекватации»", in Id., *Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства*, 299–326. М.: Издательский дом ЯСК.
- Гравин, А.А. (2024), “Символистское осмысление мифа: Вяч. И. Иванов, А.Ф. Лосев, Л.А. Гоготишвили", *Соловьёвские исследования* 3.83: 99–112.
- Иванов, Вяч. И. (1979), “Forma formans e forma formata (Форма зиждущая и форма созижденная)", in Д.В. Иванов и О. Дешарт (ред.), *Вячеслав Иванов. Собрание сочинений*, 3,675–682. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.
- Лосев, А.Ф. (1993), *Очерки античного символизма и мифологии*. М.: Мысль.
- Лосев, А.Ф. (2000а), *История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон*. М.: АСТ.
- Лосев, А.Ф. (2000b), *История античной эстетики. Последние века. Книга 2*. М.: АСТ.

- Лосев, А.Ф. (2000с), *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга 1*. М.: АСТ.
- Лосев, А.Ф. (2016), *Философия имени*. СПб.: «Издательство Олега Абышко».
- Лосев, А.Ф. (2021), *Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа»*. М.: Издательский дом ЯСК.
- Лосев, А.Ф. (2023), *Античный космос и современная наука*. М.: Академический проект.
- Неретина, С.С.; Огурцов, А.П. (2006), *Пути к универсалиям*. СПб.: РХГА.
- Постовалова, В.И. (2016а), “Философия имени” А.Ф. Лосева в свете идеала цельного знания», in А.Ф. Лосев, *Философия имени*, 5–37. СПб.: «Издательство Олега Абышко».
- Постовалова, В.И. (2016б), “Концептуальный словарь «Философии имени» А.Ф. Лосева”, in А.Ф. Лосев. *Философия имени*, 349–655. СПб.: «Издательство Олега Абышко».
- Тахо-Годи, А.А. (2007), *Лосев*. М.: Молодая гвардия.
- Троицкий, В.П. (2021), “«Отрешенность»: философский топос Плотина, Майстера Экхарта, М. Хайдеггера и А.Ф. Лосева”, in *Абсолютная мифология в эпоху «великого перелома»: к 90-летию издания «Диалектики мифа» А.Ф. Лосева. Материалы международной научной конференции XVII «Лосевские чтения»*, 91–98. М.: МАКС Пресс.
- Bird, R. (2004), “Minding the Gap: Detachment and Understanding in Aleksej Losev’s *Dialektika mifa*”, *Studies in East European Thought* 56: 143–160.
- Brommer, P. (1940), *ΕΙΔΟΣ et ΙΔΕΑ. Étude sémantique et chronologique des oeuvres de Platon*. Assen: Van Gorcum.